

Располневший, обрюзгший и, видимо, успешный старикан с короткой, под «нового русского», бородой, с пятнами седых проплешин в ней, прикатил в Ардыбаш с женой и взрослой дочерью на блестящем кабриолете, отливающим кроваво-малиновой эмалью. Этот богатенький господин, обмахивающий потную лысину белым картузом с вышитым якорем, тотчас привлёк к своей пышной персоне внимание скучающих гостей отеля. Он шёл с важным видом богатея, которому по карману всё, и который не может купить разве что лишь воздух, принадлежащий всем и каждому в равной мере. Степенность владельца дорогого «авто» была вызвана одышкой от ожирения. Или, скорее всего, присутствием стареющей, расфуфыренной дамы с ярко накрашенными губами. Ключицы её острых плеч и лопатки спины выпирали из-под длинного, тесного светло-синего платья, сухие оголённые руки в чёрных перчатках корявыми палками торчали по бокам, и весь вид этой тощей и сутулой фигуры наводил на мысль об огородном пугале. С копной взбитых медно-красных волос, с двойной ниткой жемчуга на тонкой шее, свисавшей чуть не до пояса, надушенная и напомаженная, блистая перстнями и кольцами, дама «в голубом» горделиво шествовала, ведомая под руку сопевшим мужем. Судя по морщинистому лицу, похожему на высохшее яблоко, выкатившееся из пыльного мешка сухофруктов, усилия дамы «в голубом» омолодить свою «физию», никогда не отличавшуюся красотой, были тщетны. Пышногрудая рыжеватая толстуха-дочь, веснушчатая, с накачанными силиконом пухлыми губами, вихляя

широким задом, обтянутым тесными джинсами, продранными на коленях, цокала по асфальту высоченными тонкими шпильками позади отца и матери, небрежно мотая сумочкой в одной руке и дымя сигаретой в другой.

Преуспевающий глава пресыщенного семейства, тяжело дыша, поднялся на деревянное крыльцо с резными перилами и, направляясь в самый роскошный номер отеля, бросил несколько слов, услышанных любопытствующими туристами, в ожидании обеда рассеявшихся на лавочках сквера.

– Дорогая Розалия, – сказал он, подобострастно наклонясь к тощей пассии, – мы были в Тайланде, на Гавайях и Мальвинах, на Канарах и даже на Галапагосах, куда туристам въезд воспрещён, в Эмиратах, в Испании, на Гоа, на Кипре, в Греции... Запомню, где мы грелись на горячих песках в последний раз... Ах, да... Вспомнил! На Яве! Но сегодня я уступаю вашим капризам подышать чистым воздухом горного Алтая... Извините, но гранд-отелей здесь нет... Довольствуйтесь этим брусчатым домом, лучшим из того, что мог отыскать в этой глуши мой секретарь... Однако, надеюсь, нашей славной девочке здесь понравится... Не так ли, Софочка?

– Да, папочка, – жеманно ответила дочь. Стрельнула пальцами ещё горящий окурочек и капризно добавила:

– Я устала от пальм, от черномазой прислуги, от обезьян и вечного зноя, а здесь такая благодать, так романтично. И столько интересных мужчин...

Последние слова не в меру располневшей дочери неприятно задела отцовское самолюбие.

– Да, дорогой... Я полностью согласна с мнением нашей ненаглядной Софочки... Я почти уверена: в этих дивных местах ей улыбнется счастье... Она встретит здесь настоящую любовь...

«Дорогая», «дорогой» и ненаглядное их чадо вошли в холл, и шаги их стихли в коридоре.

– А хороша у этого надутого индюка молодая пышка, – проводив глазами супружескую чету и особенно заострив взгляд на Софочке, с бравадой опытного ловеласа проговорил начинающий сесть мужчина с лихо закрученными усами. Спортивный костюм плотно обтягивал его крепко сложенную фигуру. Белые кроссовки броско контрастировали с чёрным цветом костюма. Отличная, как у породистого жеребца, выправка выдавала в нём бывшего военного человека, франтоватого офицера, вероятнее всего, полковника. Как стало понятно из дальнейшего разговора сидящих неподалеку двоих пожилых мужчин, «породистый жеребец» и в самом деле оказался «настоящим» полковником.

– К сожалению, маман – отстойная кляча из колхозной конюшни... Однако для лёгкого флирта стодится... – в тон приятелю отозвался его собеседник – мешковатый усатый увалень с аккуратной окладистой бородой, с потухшей трубкой, зажатой в ощеренных улыбкой зубах, поблескивавших золотыми коронками. Синяя бейсболка с длинным козырьком, прикрывавшая лысину, широченные, с дырками на коленях, серые шорты, жёлтая мятая майка с красной надписью «I love you» и стоптанные кеды с оборванными шнурками составляли наряд этого пожилого туриста. На первый взгляд он выглядел заурядным пенсионером, вышедшим на заслуженный отдых после многолетнего труда где-нибудь в сельской глубинке и на последние гроши раз в жизни позволившего себе купить турпутёвку. Но суждение о незнакомом человеке по одежке, как известно, часто ошибочно.

– Тоща, правда, напоминает завалиющую воблу, но на безрыбье и рак рыба... Других пока не предвидится, а дней отдыха остаётся всё меньше. Но, думаю, за неимением ничего

более подходящего, сойдёт и эта намалёванная чувырла... Как думаешь, дружище? – с сиплым смешком спросил носитель застиранной и сильно полинявшей майки.

– Вот именно... Сойдёт и чувырла, – громко расхохотался «настоящий» полковник, чем привлёк внимание отдыхающих, прохаживающихся перед отелем в ожидании обеда. Сексуально озабоченный собеседник не сразу понял плоский солдафонский юмор, а когда, на секунду-другую, задумавшись, вник в смысл сказанного, разразился ещё более громким и хриплым хохотом, прерываемым кашлем. Наконец откашлявшись и просмеявшись, он набил трубку кубинским табаком из красивой золочёной коробки, лежавшей рядом с ним на скамейке, раскурил и, пыхнув дымком, уверенно произнёс:

– На вечерней прогулке возьму на абордаж дочку. На кой ляд мне сдалась её застарелая маман...

– Э, нет, товарищ капитан второго ранга... Как у нас в армии говорят: «Не спеши выполнить приказ – будет команда: «Отставить!» Может случиться, не придётся вам брать Софочку на абордаж...

– Думаешь, завидев мой пиратский корабль, она выкинет белый флаг, предпочтя сдаться без боя?

– Ошибаешься, дружище... Мне давно известна твоя тактика: выйти к обеду в драных шортах и затрапезной майке, а на вечерний ужин заявиться в ресторан в блистательной флотской форме, не оставляющей равнодушными впечатлительных женщин. Не сомневаюсь, что у Софочки не будет никаких шансов устоять перед просоленным морским волком, увешанным кортиком, якорями и ракушками, опалённым огнём сражений при яростном штурме неприступных замков и крепостей, воздвигнутых горделивыми красавицами.

– Тогда в чём я ошибаюсь?

– У нас, армейских офицеров, принято так: кто первый глаз положил на даму, так тому и начинать атаку на бастион женской прелести. Хотя мы с тобой давние друзья, Петруха, но я первый вслух обратил внимание на пышку. Ведь так?

– Мы, тащ полковник, оба одновременно бросили на толстушку искромётные взгляды. Разница лишь в том, что я молча, воззрился на неё, а ты огласил свой взор. Предлагаю партию в шахматы... Кто выиграет, тому «самый полный вперёд» курсом на Софочку! Ну, а проигравший будет швартоваться в старой гавани. Всё по честняку! Без споров и обид! – потряс шахматной доской любвеобильный носитель английской майки.

– А что?! Прекрасная идея! Давай ещё одну партеечку задвинем до обеда... На интерес! Как в школе! Помнишь? Мы чуть было не подрались тогда из-за рыжей Катьки из параллельного десятого «Б». Ты предложил сыграть в шахматы на победителя.

– Да... Но ты выиграл... Прошёл пешкой в конец поля, превратил её в ферзя и разметал все мои фигуры. Да толкуто? Ушла Катька с плюгавым солдатиком, приехавшим на побывку. Итак, начнём?!

– Да... Ну, что ж... Разыграем Софочку... Надеюсь, на сей раз здесь не окажется плюгавого солдатика, который уведёт пампушку из-под моего носа, – с готовностью ответил полковник, зажимая в каждом кулаке по чёрной и белой пешке. – В какой руке? В левой? Очень хорошо! Играете, товарищ моряк – с печки бряк, чёрными!

Друзья торопливо расставили фигуры на доске.

– Е – два, е – четыре! – двинул вперёд белую пешку полковник.

– Оригинальный ход, тащ полковник... Главное: неожиданный, подкупающий новизной столь не простого начала шахматной баталии...

– Долго думали? – с язвительной усмешкой кавторанг пошёл чёрной пешкой навстречу белой. – А знаете, тащ полковник, как у нас на флоте говорят?

Полковник, не отрывая взгляда от доски, хмыкнув, пожал плечами.

– Да мало ли о чём говорят у вас на флоте, где каждый старший матрос в душе мнит себя выше пехотного полковника.

– Эт-так, – ухмыльнулся кавторанг. – Не в обиду будь сказано: мичман на флоте равен майору в пехоте... Бытует у нас такая поговорка, чего греха таить...

– Много о себе мните... Мариманы хреновы...

– Что есть, то есть... Ходи-те, Фёдор Иваныч...

– Так всё же о чём у вас на флоте говорят, товарищ капитан второго ранга?

– Не бывает некрасивых женщин... Бывает мало водки... – задумчиво глядя на шахматное поле, проговорил капитан второго ранга.

– Бесспорно! В этой малоутешительной фразе столько горькой иронии. Но к чему в данной ситуации эти слова, занимающие умы самовлюблённых моряков?

– А это я так... На случай проигрыша... Касаемо сухопарой маман... Подготовить себя, тэ-сэ-зэть, морально. А в ночной темноте да под водочку любая страшилка за красотку сойдёт.

– А пешечку-то вы проворонили, мой друг... Вот я её ладьёй, – забирая чёрную пешку крепкими пальцами сильной руки, довольно сказал полковник. – Оно, конечно, так..

– Так, так... Вы, стало быть, вводите в бой тяжёлую артиллерию... А мы лёгкую кавалерию двинем...

– Полноте, мой друг... Кавалерия против слонов? Конница Александра Македонского дала дёру, завидев ринувшихся на неё боевых слонов. Как думаешь, дружище, выведет погулять богатая фрау свою ненаглядную Софочку? Кстати,

знаем имя пышки... Софочка... Глубокомысленно нахмутив брови, угадаешь её имя по линиям на ладони. Она, понятно, удивится, ну, а дальше...

– Оригинально! Кудесник-предсказатель в чёрном флотском мундире...

– Чего ржёшь? Я не раз для знакомства пользовался этим приёмом, выведав заранее имя прелестницы.

– Если продуешь партию, имя тощей клячи тоже будешь угадывать?

Игроки взглянули друг на друга и расхохотались. Потом оба, подперев подбородки пальцами, подражая древнегреческому философу Диогену Синопскому, жившему в бочке, усадились на шахматную доску. Увлечённые игрой, они покусывали губы, морщили лбы, словно начисто забыли о своём намерении приударить за женой и дочерью господина, подрулившего к «Золотому оленю» на престижном автомобиле.

– Не люблю, Петруха, пользоваться чужим промахом... Что ж ты опять пешку под сруб моему коню подставил? А-а! Ну, и хитрец ты! Я её возьму, а моя коняшка под прицел твоего слоника попадёт... Конечно, выйдут они из отеля... Чего им в номере сидеть? В телешоу про Украину шары пялить? И погода шепчет... Захотят дамы на людей поглазеть, себя показать... Притом массовик-затейник, ну, тот, с баяном, которого я вчера вусмерть упоить хотел, обещал...

– Так, спокойно... Отработай малый назад... Хотеть не вредно, Федя... Твой ход, дружище.

– Погодь... Не гони лошадей... Дай подумать... Проигравшему на этом турнире претендентов на Софочку ничего не останется, как приударить за её тощей маманей... Вознамерился вчера я, Петруха, накачать музыканта и поволочиться за его миловидной бабёнкой... Официантку в ресторане отеля видел? Вчера она голубыми глазками стреляла на наш стол...

– Скорее на твои полковничьи погоны...

– А он, конь педальный, флакон коньяка изволил выкушать в баре за мой счёт и не окосел... Так потом в танцзале вальсы наявивал... И орал: «Как упоительны в России вечера-а!» А со своей супруженции глаз не спускал... Уже учёный, видать, отдыхающими... С ней и домой потопал... Обидно... Мурло тупорылое, а такая бабенция у него! Всё при ней! Грудьмячики! Ножки точёные...

– А я, Федя, если сейчас выиграю, якорем мне подавиться, если в кильватер к рыженькой не пристроюсь... И что обещало клубное светило культмассовой работы?

– Не забывай, Пётр Ильич, здесь уйма конкурентов... Каждый из них норовит затащить к себе в номер и уложить в постель какую-нибудь простушку из obsługi или из отдыхающих... А тут вдруг такая пышка нарисовалась! Э-э... Дорогой друг! Взятся за фигуру – ходи! Обещал доморощенный талант сегодня весь вечер играть на танцплощадке в парке «Белый танец».

– Где ты, Фёдор Иванович, узрел конкурентов? Ты – настоящий полковник или старпер в спортивном костюме? Кроме нас, вояк, здесь одни штатские рохли... А для меня, сам знаешь, любой штатский, всё равно, что свинья... Мы правильно сделали, что не поехали отдыхать в военный санаторий... Там одни офицеры, и бабьё слишком разборчиво... А тут мы можем выбирать... Жаль, контингент отдыхающих не особо... Но на безрыбье и рак рыба... Не пропадать же путёвке... Наденем парадные тужурки и вперед! На мужиков в офицерской форме бабы летят, как пчёлки на сладкий нектар... Мне бы только поставить тебе мат... А уж пришвартоваться к Софочке по всем мореходным правилам – дело нам, морякам, хорошо известное... Опыт службы не пропьёшь и за деньги не купишь... Дерзайте, ваше высокоблагородие... Я походил... Ваш черёд...

– Беру вашего коня, господин капитан второго ранга... Уж не обессудьте... Ваши шансы очаровать толстушку кортиком, золочёными шевронами, дубовыми листьями и якорями значительно уменьшились...

– Да, надо признать промах... Такой пузырь дал я из торпедного аппарата! Кнехтом меня по башке! Но ещё не вечер, тащ полковник... Вам шах, Фёдор Иванович! – бодро двинул моряк ладью в конец доски.

– А я ферзем прикроюсь... Что?! Не нравится? Беги, Пётр Ильич, беги, и не просто беги, а рви когти, пока я не съел твою турку... Мой папаня, вечная ему память, бывалочи, учил меня: «Люби, Федька, всех подряд... Бог увидит – хорошую даст».

– Это верно... Наташка твоя на загляденье... И умна, и приветлива и собой хороша... Сына и дочь тебе подарила... Живи с такой да радуйся.

– Твоя Танюшка тоже всем фору даст. Мастер спорта по художественной гимнастике! Подумать только! Доцент кафедры биологии! Депутат горсовета! Мать троих сыновей! Красавица-женщина!

– Вредна, стерва! Когда дружили – такой ласковой казалась... А сейчас всё чем-то недовольна... Так и кажется, порой, что готова живьем съесть меня.

– А ты как думал? Все невесты – ангелы... Откуда жёны – ведьмы берутся? Вот вопрос!

– Вам опять шах, тащ полковник! – не убирая ладью из-под удара «королевы», слоном прочертил кавторанг по диагонали всё шахматное поле.

– Железная логика вашего папаша, дорогой Фёдор Иванович, лишний раз подтверждает сказанное мною ранее: в темноте да под водочку любая страшилка за фотомодель сойдёт, что само по себе уже аксиома...

– Ну, это, Петруха, напрасно ты пугаешь меня чёрным слоником. Вот я на него белой лошадкой – прыг! И нет больше слоника! – бросая срубленную шахматную фигуру в коробку, весело потёр полковник большие, как две лопаты, ладони. – Беги, Пётр Ильич, от её величества...

– Ладно... Мы ещё повоюем, – убирая ладью, задумчиво проговорил кавторанг.

Игроки сделали ещё по несколько ходов и полковник с ликованием в голосе произнёс:

– Шах вам, товарищ капитан второго ранга! Однако мат, дружище! Это тебе не в перископ морские пляжи обозревать да бульки из торпедного аппарата пускать! Тут, братец, глобально думать надобно...

Старые закадычные друзья пожали друг другу руки, и кавторанг, сгребая фигуры в коробку, раздосадовано вздохнул:

– Везёт тебе, Федька... Как в тот раз, в школе, когда ты Катьку выиграл да не сумел, балбес, уговорить её на любовь-морковь... Ещё потом, в лейтенантские годы, как познакомимся, бывало, с девицами, так тебе самая красивая доставалась... Ещё бы! Фуражка зелёная! На кителе ремни скрипят... Погоны золотом горят! Сапоги хромовые зеркалом блестят! Одни галифе чего стоили! Балагур... Весельчак... Высокий ростом... Краса-вец с гусарскими усами!

Капитан второго ранга в слове «красавец» сделал ударение на последний слог, бросая на словесный портрет друга новые краски.

– Да-а, Федька... Надо признать, жених ты был завидный... Не парень, а бык-производитель! Здоровенный бугай! Оглоблю на тебе не сломать! Морда – тарелка медная! А кулачищи – во! Два моих в одном твоём... Не удивительно, что на границе ты двоих нарушителей живыми не взял... Придушил, как котят, не рассчитав силу... Да-а, Федька... Девки на тебя сами вешались... В штабеля складывались...

– Не прибедряйся, Петруха... На твои дубовые листья, на чёрный мундир с якорями, с шевронами, с кортиком, девки, как мухи на мёд, липли...

– Что было, то было... Бог с ней, с Софочкой... Накачу для вдохновения энное количество коньяка и «рули на всплытие!» Курс на маман! А тёмной ночью да под градусом все замарашки – красотки!

2

...Человек, приехавший в «Золотой олень» на красном «Феррари», был некто Валерий Родионович Харитонов, известный в деловых кругах города и области владелец торгово-промышленной компании, сети продовольственных магазинов-супермаркетов, ресторанов и кафе. Представители общественных организаций знали его как депутата областного собрания, директора благотворительного фонда детского дома. Ко всему прочему бизнесмен Харитонов слыл завсегдатаем театральных и концертных залов. В последнем случае надо заметить, что ходить на спектакли, смотреть балет, слушать оперу и симфоническую музыку Валерия Родионовича принуждала жена, стремящаяся блеснуть перед знатными господами новым дорогим платьем и драгоценностями. Пока она дефилировала в антрактах, выказывая себя, Валерий Родионович млел в театральном кресле, терпеливо ожидая начала представления, когда снова погаснет свет, зазвучит музыка, тяжёлый бархатный занавес раздвинется, всё стихнет, и он, сложив руки на большом животе, закроет глаза и задремлет, радуясь покою, отрешению от множества проблем и забот. После спектакля он с важным видом, как и подобает преуспевающему представителю богатей, спускался по мраморным ступеням к выходу из театра, ведя под руку задравшую нос супругу, жадным взглядом ищущую

на лицах зрителей восторг и восхищение своим вызывающим нарядом. Знакомые горожане кивали им, растягивая рот в натянутой улыбке и тотчас искривляя его злобной усмешкой и завистливым шипением:

– Нацепила на себя золота и бриллиантов целый пуд... В соборной вырядилась, а как была страхотина сухопарая, так ею и осталась... Не знает, крыса облезлая, куда деньги девать.

С простыми гражданами Валерию Родионовичу изредка доводилось встречаться на заседаниях попечительского совета, членом которого ему пришлось стать под давлением общественности, взывавшей к совести долларового миллионера Харитонова. Со скрежетом в гнилых зубах, на лечение которых всё денег было жалко, с болью в сердце, Валерий Родионович отрывал от своих миллионов несколько тысяч рублей в пользу сирот детского дома. Незаметно для наивных ораторов, произносящих хвалебно-благодарственные речи, под шум рукоплесканий доброжелательной публики, Валерий Родионович клал под язык таблетку валокардина, потому что любая копейка, пенни, цент или пфенниг, отданные «за просто так», не приносящие прибыли, вызывали во всём его тучном теле мелкую дрожь, заставляли учащённо биться сердце.

3

...В закрытое окно одного из самых роскошных номеров деревянного отеля, построенного из лиственничного бруса на берегу Телецкого озера, лёгкий ветерок не вносил ночную прохладу с запахом сосновой хвои, умытой накануне коротким дождём, пролившимся из быстро пронёсшейся тучки. При свете выглянувшей из-за облаков луны матово блестели итальянские шкафы, комоды, диваны, широкие кровати и кресла с резными дверцами, спинками и подлокотниками,

китайские вазы с цветами, статуэтки и канделябры, рамы картин и фотографий.

В эту первую ночь в «Золотом олене» Валерий Родионович Харитонов проснулся от духоты и резкой боли в груди. Внутри давило, жгло, кололо. «Надо принять пенталгин, – подумал он, приподнимаясь, но слабое движение отозвалось ещё более сильной болью. – Упаковка на столике... Не позаботился о себе... Не приготовил с вечера... Ладно, полежу... Не первый раз... Поболит да перестанет». Однако боль не отпускала, и Валерий Родионович сдвинул грудь ладонями, пытаясь хоть как-то приглушить её. Обеспокоенный неожиданным приступом, он хотел позвать жену и попросить подать болеутоляющую таблетку. Вспомнил полночное возвращение Розалии Петровны, её непристойное поведение с морским офицером на танцплощадке и отказался от этой мысли. Нестерпимо захотелось распахнуть окно настежь. Валерий Родионович с неприязнью подумал о жене, спящей на соседней кровати и боящейся сквозняков, вечно мёрзнувшей и чихающей при открытой форточке, и решил, что лучше не тревожить её, найти в себе силы выйти на улицу, окунуть разгорячённое тело в прохладу ветерка, дувшего с озера. Он поднёс к глазам руку с дорогими швейцарскими часами. «Ещё только три...» – с сожалением глянув на светящийся циферблат, подумал Валерий Родионович, отрывая голову от подушки. Потное тело вдавилось в мягкую постель, утонуло в ней и не достало сил выкарабкаться из-под одеяла и простыней, обшитых мехом шиншиллы. «А, чёртова баба! Всё выпендривается... Столько денег ввалил в обстановку этого номера по её прихоти...» – опять с неприязнью подумал о жене Валерий Родионович, оглаживая шелковисто-мягкий край простыни. От слабости он уронил голову на подушку, разбросил руки и ноги. «И зачем я надел эту проклятушую

шкуру?!» – распахивая полы лёгкого японского халата, раздражённо прошептал он чуть слышно, боясь разбудить жену. Супружеское ложе Валерий Родионович с ней давно не разделял и даже успел забыть, когда это могло быть в последний раз. Муж и жена Харитоновы не спали вместе из-за обоюдной неприязни. Розалия Петровна всегда находила причину не принять его в свои объятия, одарить лаской любви. То у неё что-то болит, то она устала от гулянья по взморью, то перегрелась на пляже, то, под предлогом профилактики гриппа, грызла чеснок, то, просто-напросто, нагрубив ему из-за пустяков, падала в постель и начинала с присвистом храпеть, чем отбивала у мужа всякое желание лечь рядом с ней. Валерий Родионович уже давно понял, что жена не любит его, никогда не любила и даже больше – ненавидит суженого-ряженого. Да и он сам... Разве когда-нибудь любил её? Нет, конечно... Горько, обидно, досадно сознавать, что прожили много лет вместе без любви, однако, в семейном согласии, в общих заботах о дочери, о благосостоянии. Сначала, не испытывая симпатии друг к другу, вместе хлопотали об улучшении жилищных условий, потом о предметах роскоши, а с годами и о накоплении капиталов, позволяющих ни в чём не отказывать сварливой жене и капризной дочери.

Не отнимая ладоней от груди, так было легче переносить не ослабевающую боль, Валерий Родионович лежал и размышлял о том, как быстро и незаметно пролетели годы. Он богат и уважаем, но был ли счастлив? Нет, счастлив не был. Даже когда родилась Софочка, ему некогда было порадоваться первым её «агу, агу», первым шажкам ребёнка. Всё дела... Всё мотания по городам и весям с одной единственной целью: добыть денег и сделать карьеру... Потом добыть ещё больше денег... И опять: сделать очень много денег, преуспеть не только в бизнесе, но и в политике. Дела... Дела... А

когда жить? Вот... Выросла Софочка... Двадцать пять годков минуло со дня её рождения... Замуж бы её отдать... Но Софочка сама не знает, кто нужен ей. И тот плох, и этот... Тот беден... Этот некрасив... «Подумаешь, – сказала как-то, – у папаши того парня, что клеился ко мне в самолёте, когда мы летели с Бали, всего-то занюханый ресторан... Фи-и...».

Однажды танцевала с прекрасным молодым человеком на корпоративной вечеринке... «Он – региональный менеджер, его папаша – прокурор, – сказал дочери Валерий Родионович. – Достойный жених».

– У него отвратительная родинка на шее... И уши оттопыренные, – насмешливо отозвалась Софочка. – Вот кого люблю, за того и замуж пойду...

– А если твой избранник тебя не полюбит?

– Ещё как полюбит! Твои денежки хоть кого заставят меня любить.

Когда-то и у него самого так же вот сложилось. Познакомился в трамвае с девушкой Катей, медсестрой детской поликлиники. Горячо, страстно, беззаветно любила она Валеру, называла его «дорогим козличком», а он её – Катюшей, а чаще Катюней-козочкой. Собирались пожениться. Уже и заявление в ЗАГС подали, но родители Валерия, отец – директор горторга, мать – главбух горисполкома, воспротивились их свадьбе.

– Папаша кто у твоей, этой козы... Или как там её? Катюши... Токарь на заводе... А мать? Штукатур-маляр на стройке! Эта самая, как её? Катюня... Не ровня тебе... У тебя высшее образование! А у неё что? Медучилище! Всю жизнь колоть задницы больным... Завидная перспектива, – выговаривала мать.

Отец тоже был не в восторге от избранницы сына.

– Тебе зачем такая незавидная невеста без теста, то бишь, без приданого? Нищету плодить? На мои денежки не рассчитывай... Я сам себе в жизни дорогу пробивал... Всех благ

достиг... Квартиру... Машину... Гараж... Дачу... Сервизы хрустальные... Ковры... Путёвки на курорты... А ты? Решил на всё готовенькое? Так, да? Вот, шиш тебе! Или женись на дочке секретаря горкома партии... Или...

– Или?

– Или проваливай, сынок, ко всем чертям собачьим вместе со своей медсестрой Катюней-козой!

Сынок, понятно, предпочёл не проваливать из большой родительской квартиры и, тем более, к чертям собачьим и женился на Розалии, перезрелой дочери партсоветского бонзы, долговязой выпускнице консерватории по классу арфы. Не отличаясь особой одарённостью игры на музыкальном инструменте древних эллинов, несостоявшаяся артистка областной филармонии велела втащить громоздкую струнную махину в свою спальню, откуда часто раздавалось раздражающее соседей однообразно-монотонное бречание. Правда, испытывать на прочность натянутые до предела нервы жильцов многоквартирного дома Розалии долго не пришлось. Однажды, когда из отворённого окна её спальни полились нестройные звуки, не улаживающие слух, а совсем наоборот, завидному терпению вынужденных слушателей пришёл конец. Не приняв во внимание авторитет зятя партаппаратчика, они громко и дружно стучали в дверь, требовали прекратить музыкальное безобразие, грозились написать заявление в домоуправление и даже куда-то выше. Предупреждение подействовало, после чего арфу с грохотом и жалобным теньканьем струн под всхлипывания и притворные рыдания неудачливой выпускницы консерватории спустили с пятого этажа, погрузили в фургон и отвезли в неизвестном направлении. Розалия не стала горевать об утрате приятного времяпрепровождения, всецело переключилась на обустройство трёхкомнатной квартиры, вне очереди, без хлопот и чиновничьих заморочек выделенной

молодожёнам в новой девятиэтажке. Комментируя сей факт, Родион Яковлевич, отец Валерия, сказал, удовлетворённо потерев ладонями брюшко:

– Ну, вот... Квартиру, сынок, получил... Первая ласточка, возвестившая об удачной женитьбе на дочери вождя пролетариата местного значения. А то... Дочь токаря... Гаек и болтов он бы тебе наточил! Так-то, вот... Скажи «спасибо» родителям, что вовремя одёрнули тебя... Куковал бы сейчас со своей Катюней в ободранной комнатухе где-нибудь в общежитии.

4

Вспомнив перипетии тех лет, Харитонов тяжело вздохнул. В который раз в памяти возникло прелестное личико Катюни-козочки. Как хорошо им было вместе! Провалились пропадом эти миллионы! Зачем они ему, если не приносят счастья? Старался для дочери, для жены... А они его в грош не ставят... Принимают всё как должное... А он кто? Рудокоп, добывающий алмазы? Кузнец, куящий золотые монеты? Полиграфист, печатающий купюры? Нет, он раб, приносящий мешки с деньгами, работающий за еду!

Валерий Родионович поворочался с боку на бок, всё ещё надеясь, что жжение в груди прекратится, но щемящая боль не проходила, и, не на шутку встревоженный своим плохим самочувствием, он столкнул на пол лёгкое, почти воздушное одеяло, как и простыни, обшитое по краям мехом шиншиллы, но сейчас показавшееся ему невероятно тяжёлым. «Глупая прихоть... Дура старая... Покрутилась бы как я... Ценила бы каждый рубль...» – со злостью в душе подумал Харитонов о беззаботно хряпящей супруге.

Как уже упоминалось, Розалия Петровна вернулась с гулянья в парке в полночь и застала мужа лежащим в постели при

включенном свете. В ожидании жены Харитонов рассеянно слушал новости «Бизнес-FM», всецело занятый мыслями о суетности и тщетности своего неблагополучного бытия, в котором деньги даже при большом их наличии не значат ровным счётом ничего. Здоровье, счастье за них не купишь, молодость не вернёшь, старость не отворишь. Тогда к чему все эти потуги с бизнесом, переживания из-за падения курса акций, нервогрёпки от разборок с конкурентами? К такому грустному заключению Валерий Родионович пришёл, размышляя о тридцати годах совместной жизни с Розалией, потраченных бесцельно, бездарно, бездумно. И хотя в этот живописный уголок Горного Алтая приехал вместе с женой и дочерью, чувствовал себя ими покинутым, одиноким, никому не нужным стариком, больным и разбитым. Все хотели иметь от него деньги. Одни лишь деньги. И больше ничего. Как человек, он никого не интересовал. Валерий Родионович хотя и ожидал возвращения жены, тем не менее, вздрогнул от стука неожиданно открывшейся двери. Он поспешно выключил радио и разинул было рот, чтобы спросить, отчего она явилась в номер так поздно, но не проронил ни слова. К чему? Всё и так ясно. В растрёпанных, спутанных волосах Розалии Петровны застрял сухой берёзовый листок. Гундя под нос какую-то дешёвую песенку, она постучала ногу об ногу, сбрасывая туфли. Не обращая внимания на мужа, словно того и не было в номере вовсе, стащила с себя мятое платье, небрежно швырнула на диван, щёлкнула выключателем. Не потрудившись откинуть покрывало, обшитое, как и все постельные принадлежности в этом номере, мехом шиншиллы, лицом вниз плюхнулась в постель, зарылась в подушку. Запахи табачного дыма, спиртного, одеколona, свежескошенной, но уже подсохшей травы, поплыли в темноте дорогого, но, как считал Валерий Родионович, неудобного номера.

В этот душный августовский вечер их первого дня отдыха на Горном Алтае, сразу, как они вернулись в номер из ресторана, Розалия Петровна долго и тщательно наводила марафет на своём иссушенном лице, сидя перед трюмо, причёсывалась, прилизывалась, натиралась кремами, накрашивалась, умащивалась благовониями. Валерий Родионович имел неосторожность сказать глупость, что для гуляния вдвоём в вечернем парке не обязательно так прихорашиваться. Увидев, что муж примеряет новый галстук, намереваясь отправиться на прогулку вместе с ней, Розалия Петровна, не отворачиваясь от зеркала, сердито бросила ему:

– Знаешь, дорогой... Оставайся в номере... Со своей одышкой... Лежи... Отдыхай... Слушай «Бизнес-эфэм»... Танцевать ты всё равно не будешь... Что тебе делать в парке? Кстати, полковник... Ну, тот, что за ужином в ресторане поднимал тост за прекрасную синеглазую незнакомку, предложил Софочке повальсировать на танцплощадке в парке. Я иду с ней...

– Да, папочка... Ложись спать... Что ты потащишься на танцплощадку? Будешь там позорить меня своими широкими штанами.

– Ладно... Идите... Танцуйте... Я немного пройду по берегу озера и вернусь в отель, – с обидой в душе ответил Валерий Родионович, как всегда уступая настояниям жены и дочери.

Розалия Петровна и Софочка ушли, а Валерий Родионович, отшвырнув ставший ненужным галстук, отправился вслед за ними, обошёл стороной гремящую музыкой шумную танцплощадку и каменистой тропой спустился к озеру. Почти час он в полном одиночестве, скучая, бродил по берегу, шурша галечной осыпью, неотвязно думая о жене и дочери, в своё удовольствие проводящих время в праздной толпе

отдыхающих. Незаметно для него самого ноги привели его к танцплощадке, где баян массовика-затейника заливался «Севастопольским вальсом». Пары кружились в неудержимом вихре, и Харитонов поморщился, разглядев в толпе танцующих дочь и жену. Софочку вальяжно крутил усатый, рослый бугай-полковник, тот, который, как заметил Валерий Родионович в ресторане за ужином, нагло вато подмигивал ей и даже заказал оркестрантам исполнить в её честь «Эти глаза напротив». Танцую, Софочка то беззастенчиво и податливо прижималась к нему, то откидывалась назад, повисая в сильных мужских руках. Розалию Петровну бесцеремонно, в такт задорной, захватывающей дух мелодии, кружил, бросая из стороны в сторону, пожилой ловелас в морской форме с погонами капитана второго ранга, с болтающимся у колена кортиком, и, судя по радостно-весёлому взвизгиванию, ей это нравилось.

Харитонов с огорчением, смешанным со скрытой завистью «Вот бы мне уметь так танцевать!», смотрел несколько минут на выкрутасы жены и дочери. «Подойду сейчас к полковнику и дам ему по морде!» – сжав кулаки, подумал Харитонов. Вызывающе-развязный танец жены с кавторангом его не особенно расстроил. Музыка стихла. Массовик-затейник под аплодисменты учащённо дышащих танцоров и танцовщиц, раскланялся, поправляя на плечах ремни баяна. «Сейчас... Сейчас подойду к полковнику и ка-ак врежу по хамской роже!» – вне себя от злости, пробормотал Харитонов, продираясь сквозь толпу зевак, стоящих у эстрады в ожидании «Белого» танца.

– Валерий! Ты... притащился сюда?! – вдруг услышал он удивлённо-рассерженный голос Розалии Петровны. – Возвращайся немедленно в отель! У тебя одышка... Давление... Тебе нельзя давать нагрузку на сердце! Пойди в номер и

ложись спать! И не забудь выпить слабительное! Задрал своими запорами!

– Это... Это безобразие! Что они себе позволяют?! Думают, что если они военные, там им всё можно! Всё! Мы утром уезжаем из этого вертепа!

– Никуда мы не поедем! Софочка познакомилась с хорошим человеком... Неужели ты хочешь разрушить счастье нашей девочки? Ничего ты не понимаешь! Старый пень! Мохом оброс...

– Нет, мы уедем! Я так решил!

– А я говорю: никуда не поедем! Ступай в отель и не дури! Ишь, выдумал! Уезжаем! Это как я скажу! Понял? Иди в номер, сказала! Как ты мне надоел!

Харитонов искал глазами полковника, однако, ни его, ни Софочки среди отдыхающих не увидел. Кавторанг стоял неподалеку у края танцплощадки, курил трубку, и казалось, что ссора разгорячённых супругов совсем не интересовала его. Харитонов сник, признаваясь себе: ударить полковника, окажись тот в эту минуту поблизости, не достало бы смелости. Да, может, полковник не так плох, как он подумал о нём, глядя со стороны. Может, в самом деле, разрушит отъездом счастье любимой дочери? А жена?! Как она при всех назвала его старым, замшелым пнём! О слабительных таблетках напомнила... Со стыда чуть не умер... И Софочка не хотела, чтобы он приходил сюда позорить её...

Массовик-затейник снова развернул красные мехи баяна и гаркнул:

– Белый танец! Дамы приглашают кавалеров!

Он заиграл «Дунайские волны».

Розалия Петровна спешно, чтобы не опередили другие женщины, метнулась к моряку, выдернула его на середину танцплощадки. Он облапал её, она, обхватив его за шею,

повисла на нём, и оба партнёра быстро перебирая ногами, пошли по кругу.

Валерий Родионович сколько ни всматривался в танцующие пары, Софочки и полковника среди них не было. До него вдруг отчётливо дошло: муж, отец, бизнесмен Харитонов чужой на этом празднике жизни. И не только здесь. А вообще... Ему вспомнились их семейные поездки за границу, где всё так же, как и сейчас, был всего лишь носителем чековой книжки и нескольких карт банкоматов. Жена и дочь катались на яхтах с какими-то джентльменами, не говорящими по-русски, уезжали с ними на острова, на экскурсии, а он всегда оказывался лишним.

5

Сглотнув подступивший к горлу комок, утерев ладонью повлажневшие глаза, Валерий Родионович, часто останавливаясь, чтобы перевести дыхание от гулко бьющегося сердца, приплёлся в отель. Неторопливо разделся, накинул на себя японский халат, разобрал постель и лёг, испытывая в душе чувство непонятной тревоги, волнения, горечи, неудовлетворённости безрадостной жизнью. Мелодия «Дунайских волн» не отпускала, продолжала звучать в голове. Может, его мучила ревность? «Нет, – ловил он себя на мысли... – Мне глубоко безразлично, с кем она проводит время... Наплевать мне на того выкобенистого морячка в погонах кавторанга... Противно, конечно, наблюдать откровенное распутство супруги, сознавать превосходство её любовников над ним. Но дочь?! Её увёл какой-то затасканный вояка, явно не стремящийся предложить ей руку и сердце. Да и женатый, наверняка, он... Так, развлекается на лоне природы... Лучше бы не видеть всего этого! И зачем от озера свернул в парк, припёрся на танцплощадку?»

И вот теперь слушает храп жены в душевной комнате богато обставленного номера, взмокший от пота, взбудораженный запоздалым её возвращением и неприглядным видом.

Харитонов лежал в темноте с открытыми глазами, мучимый бессонницей, с тщетной надеждой заснуть, забыться, страдая от безвольно принятого решения забраться в эту алтайскую глухомань, к чёрту на кулички. «Врачи советовали ехать в Израиль, обследоваться у лучших специалистов, поправить здоровье в Карлсбаде.... Так, нет... Уступил домашним профурсеткам... Им-то что? Выплясывают, знай себе! Какие сегодня фортеля выписывали на танцплощадке! Уж слишком откровенно прижимались к тем старым развратникам... Ладно, эта старая... С неё не убудет... Но Софочка? Разве позволительно так себя вести с первым встречным человеком, годящимся тебе в отцы? Ведь так, доченька милая, ты никогда не выйдешь замуж... Не родишь мне наследника... Кому передоверю свои миллионы?»

Боль мало-помалу утихла, и Валерий Родионович облегчённо вздохнул. Незаметно, как это всегда бывает со всеми людьми, сон сморил его. Он пролежал в забытии час или два, и спал бы ещё, убаюканный мерным тиканьем часов на поднесённой к уху руке и ровным храпом жены, но приступ боли в сердце, ещё более жестокий, беспощадный, разбудил его.

Кряхтя и постанывая, стараясь не разбудить громко храпящую супругу, бизнесмен поднялся, что стоило ему невероятных трудов.

Одной рукой держась за грудь, а другой, цепляясь за спинку кровати, Харитонов подошёл к столику. Не включая ночник, нашарил коробочку с пенталгином, торопясь, словно боясь опоздать, проглотил таблетку. Бутылка с минеральной водой стояла здесь же. Он сделал из неё глоток и на цыпочках, прислушиваясь к сонному бормотанию жены, крадучись,

прошлёпал к двери. Нащупал босыми ногами пушистые турецкие тапки, кое-как всунул в них распухшие ступни. В блеклом лунном свете сияла позолоченная дверная ручка. Валерий Родионович тихо повернул её. Сухо щёлкнул замок. Дверь плавно, бесшумно открылась, он осторожно притворил её за собой.

Прохладный ночной воздух, сквозивший по коридору, освежил его. Мягко ступая по дощатым ступеням лестницы, придерживаясь за гладкие перила, спустился к озеру, скукожился на гранитном окатыше, за миллионы лет отполированном ветрами, дождями и водными потоками. Волны размеренно плескались у самых ног. Вековые сосны возвышались над ним. Далеко на посеребрённой лунным светом озёрной глади тархтел катер. Какие-то ночные пташки перекликались в густых ветвях деревьев.

Посёлок лесников, рыбаков, охотников, заезжих туристов безмятежно спал, погружённый в темень. И в этой алтайской ночи, по-летнему тёплой, благоуханной, напоенной смолистым ароматом тайги, не спал, наверно, только он, Валерий Харитонов, одутловатый человек с больным сердцем, с лысой, как голое колено, большой головой на толстых шейных складках. Лицо бизнесмена-миллионера с приплюснутым носом и выпяченными губами, если бы его можно было рассмотреть в темноте августовской ночи, выражало крайнюю озабоченность. Grimаса нестерпимой боли искажала его, печать тягостных дум, неразрешимых проблем, внутренних переживаний лежала на нём. Никому не доводилось видеть радостной улыбки на угрюмом лице преуспевающего владельца супермаркетов и блеска в его серых колючих глазах, заплывших жиром под мохнатыми бровями.

Обхватив ноющую грудь, Валерий Родионович рассеянно предался философским рассуждениям о вечном, о ничтож-

ности всего живого, а, главное, собственного никчемного существования на земле.

– Надо же... Многие тысячелетия лежит здесь этот валун, никому не нужный. И ещё будет лежать из века в век... Меня не будет, а каменюка останется на берегу ещё тысячи лет... Что ему сделается? Летом горячий, накалённый солнцем... Зимой холодный, присыпанный снегом, скованный морозом... И ничего с ним не случится... Как лежал под скалой, так и будет лежать... Будет озеро... Будут новые отели на крутых берегах... Изменится людская жизнь, но в ней не будет Валерия Харитонова... Меня как будто и не было на свете... Кто вспомнит обо мне?

Занимался рассвет. Предутренный свежий ветерок задувал под тонкий японский шёлк.

Зябко поёживаясь, Валерий Родионович запахнулся в японский халат, оперся руками о шероховатый гранит, намереваясь слезть с камня. Но что это? С озера доносился такой знакомый залиvistый смех, приглушённый сотней шагов от него, явно девичий, прерываемый, очевидно, поцелуями. Валерий Родионович невольно прислушался, всматриваясь в темноту над озером, в поблескивающую поверхность воды, боясь удостовериться в худшей догадке. Обрывки фраз, произносимых грубовато-насмешливым мужским басом, всплески купающихся влюблённых, повергли его в ужас, в отчаяние. Забыв о коликах в груди, Валерий Родионович весь напрягся, сиюсь что-то разобрать из тихой беседы молодой женщины и пожилого мужчины, головы которых парой чёрных буйков качались над водой, подёрнутой белёсым туманом. Вкрадчиво-мурлыкающие слова мужчины забивал весёлый женский смешок. Не может быть! Да, это они...

Валерий Родионович, испытывая одновременно и стыд, и нетерпение убедиться в том, что он ошибается, что это не его

Софочка, самое дорогое для него существо, целуется, обнимается в воде с полковником, который вдвое старше её, подался вперёд. Соскользнув с окатыша, чуть не упал, ударившись локтем, ойкнул, но в этот момент она рассмеялась громче, и Валерий Родионович почти бессознательно опустился на покатый камень, схватился за грудь. Нет! Ошибки быть не может... Это она! Милая его Софочка в объятиях того самого франта с погонами полковника, с которым обменивалась многообещающими взглядами за ужином, с которым танцевала этим вечером. Луна пробилась сквозь косматое облако, осветила берег, край озера, и страдающему отцу предстало страшное видение: старый похотник выносил из воды его дочь, обвившую шею любовника пухленькими ручками.

И он, и она были совершенно наги. При бледно-розоватом рассвете хорошо были различимы обнажённые тела, белеющие на фоне чёрной скалы, нависшей над берегом Телецкого озера, чаще называемого алтайцами – Золотым.

Окоченевшее, скрюченное тело Харитоновы, привалившееся к гранитному камню, обнаружил рыбак, рано поутру явившийся с удочкой и котелком на своё излюбленное место.

– Удар судьбы! Пошёл среди ночи подышать свежим воздухом Горного Алтая и – надо же: умер ни с того, ни с сего! – прокомментировали печальное событие отдыхающие, провожая равнодушными взглядами отъезжающую машину «Скорой медицинской помощи». А кто-то добавил:

– Лёгкой смертью умер человек... Не мучился...